

УДК 141.7+37.014
+371:485.51.215
ББК 60.0

В. В. Зинченко
Профессор, доктор философских наук

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ» МОДИФИКАЦИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ И ЦЕННОСТНЫЙ ТЕХНОКРАТИЗМ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ НЕОБИХЕВИОРИЗМА

В статье анализируются социально-философские, педагогические и социально-экономические идеи необихевиоризма как мировоззренческой и теоретико-практической модели технократического подхода к управлению, метода модификации поведения для осуществления адаптации личности к социальной, экономической и политической системе. Менеджмент и воспитание в необихевиоризме отождествляются технократическим мышлением с послушанием, подчинением, несут функцию передачи господствующих ценностей, которые должны приспособить личность к идеологии и стандартам господствующих государственных институтов.

Ключевые слова: управление, технология поведения, экономика, производство, воспитание, демократия, технократизм, социальный контроль.

V. V. Zinchenko

Professor, doctor of philosophical sciences

THE INSTITUTIONAL MODEL OF «PUBLIC MANAGEMENT» UPDATINGS OF BEHAVIOUR AND VALUABLE TECHNOCRATIC THE SOCIAL AND ECONOMIC EDUCATION SYSTEM AND TRAINING NEOBIEHEVIORISM

The paper analyzes the social-philosophical, pedagogical and socio-economic ideas and worldview of neobiheviiorism theoretical and practical model of technocratic approach to management, a method of behavior modification to the extent that individual to the social, economic and political system. Management and education in a technocratic way of thinking neobiheviiorism identified with obedience, submission, are the transfer function of the prevailing values that have to adapt to the personality and ideology of the dominant standards of public institutions.

Key words: management, technology, behavior, economics, manufacturing, education, democracy, technocracy, social control.

С самого первого дня своего рождения и до смерти человек находится под неуклонным присмотром общества. Основу общества и общественного бытия составляют экономические или производственные отношения. Но, по мнению большинства социологов и философов XX-XXI вв., в обществе в течение тысячелетий складывались и другие, не менее важные законы и отношения, которые безукоризненно „руководят” действиями человека, – это моральные ценности. Таким образом, экономика, мораль и политика в современном постиндустриальном обществе переплелись настолько тесно, что их просто невозможно оторвать одну от другой. Ведь в наше время „человек как личность” и „человек как гражданин” определяют два магистральных направления прогресса человеческого бытия:

1) направление развития „внутреннего мира” человека – формирование новых морально-психологических принципов бытия;

2) направление развития „внешнего мира” человека – формирование новых экономико-политических и социально-психологических принципов бытия.

Социальная педагогика и социально-управленческая психология необихевиоризма, как модель экономико-социальной деятельности, которая, прежде всего, базируется на идеях бихевиоризма Б.Скиннера – она стала методологической основой для оформления технократических концепций менеджмента, социально-экономической деятельности, общественного развития, занимающих доминирующие позиции в развитых индустриальных странах, особенно в США. Она опирается главным образом на концепцию «технологии поведения» основателя современного бихевиоризма Б. Скиннера и в целом на бихевиористскую психологию. Идеи необихевиоризма в их непосредственном применении к проблемам воспитания разделяет группа экономистов, философов, педагогов, психологов, представленная Е. Морисом, М. Блэком и другими. Сторонники этого направления отвергают саморазвитие личности как главной цели воспитания, видя в этом одну из главных причин социального и морального кризиса. Они исходят из установки, что человек – это обучаемо-модифицируемое существо, именно в процессе обучения вырабатываются все нормы его поведения. Эффективность же обучения достигается внедрением в систему формирования и воспитания достижений науки и техники, эксперимента. Таким образом, создается видимость строго „научного”, рационалистического подхода и обеспечивается влияние этих концепций среди определенных кругов общества, в том числе научной интеллигенции.

Менеджмент и воспитание при таком подходе подчинены сугубо утилитарной цели, прежде всего повышению производительности труда, а также приобретению навыков для усвоения нравственных норм, установок социальной среды и строгого, беспрекословного подчинения этим установкам. Как главное средство реализации такой социально-экономической и психо-педагогической программы выступает жесткий контроль со стороны государства, социальной среды с помощью механизма „подкрепления”, т.е. системы поощрений или наказаний за малейшие отклонения от заданной программы. Этот механизм (особенно его репрессивная сторона) призван обеспечить благонадежность людей, прежде всего молодежи, сформировать у них чувство необходимости подчиняться господствующим идеологиям, нормам, требованиям, которые довольно часто (особенно в обществах транзитивного, или переходного типа, к которым относятся Россия и Украина), отражают интересы исключительно правящей элиты. Технократические концепции особое внимание придают тому, чтобы, опираясь на систему «подкрепления», создать видимость добровольного подчинения личности этим требованиям и тем самым достичь „гармонии” между сознанием индивида и общества. Однако саму эту „гармонию” они истолковывают лишь как служение абстрактно-общим идеалам государства, нации в ущерб личным интересам, а чувство ответственности личности – лишь как проявление лояльного отношения к идеологическим или традиционалистским ценностям общества и атрибутов власти. Идеи экономико-психологических технократических концепций нашли свое практическое воплощение в различных формах „модификации поведения”, которые чаще всего носят явно или опосредованно репрессивный характер. Эти методы «воспитания» внедряют и в систему административного и производственного менеджмента, социального управления, воспитания, образования, организации и предприятия, учебные заведения. Нет нужды доказывать, что менеджмент, воспитание, которые используют такие методы, приобретают характер планируемой господствующим классом отрасли „человекостроительства”, уподобляются социально-экономической дрессировке людей, которых освобождают от моральных мотивов и критериев [12, с. 185].

Но технократический подход к человеку и его социо-экономической сущности по-разному воспринимается теоретиками и практиками. В академических кругах, включая специалистов в отрасли поведенческого управления, производственного менеджмента, философии воспитания, технократические идеи в значительной степени поддаются достаточно

резкой критике. Что же касается непосредственно процессов управления и социального воспитания, то там все еще широко применяются поведенческие нормы и техника «подкрепления», сформулированные бихевиоризмом. Дело в том, что методы модификации поведения в стиле „*производственной регуляции*” очень удобны для формирования людей с предварительно заданными способностями, экономическими стереотипами и политическими стандартами, моральными качествами, с определенными сформированными настроениями, готовыми верно служить власти и правящей элите. Этот фактор является особенно актуальным для обществ посттоталитарного, „переходного типа”, в развитии которых постоянно существует опасность трансформации в репрессивную олигархически-клановую систему с иллюзорными, декларативными „правами человека” и неразвитым гражданским самосознанием. Кроме того, эти методы используются структурами власти, консервативными социальными институтами для контроля за инакомыслящими, для приспособления их поведения к требованиям того или иного типа общества, экономической и политической системы. Если возникает разлад между личностью и социально-экономической средой, то они – власть, консерваторы из числа сторонников необихевиоризма – стремятся скрыть его истинную сущность и утверждают, что все сводится к поведенческой проблеме, которую является возможным решить путем новой процедуры («подкрепления»), – пишет американский эксперт по вопросам воспитания К. Боуерс [5, с. 43], раскрывая социальное содержание использования идей необихевиоризма в общественно-экономической практике. Соглашаясь с мнением Боуерса, профессор Иллинойского университета У. Файнберг отмечает, что влияние идей бихевиоризма на общественную, экономико-политическую систему объясняется не только их истинностью или научностью. Он „обусловлен тем, что бихевиоризм создает общие, интернациональные нормы и процедуры, которые имеют существенное значение для воссоздания социальных ролей, определенных современными корпорациями, капиталистическим государством” [7, с. 123].

Сторонники технократического психо-педагогического подхода к экономической и социальной деятельности подчеркивают наличие глубокого психо-морального кризиса современной цивилизации. Его проявление они видят в отсутствии дисциплины, в безразличии людей к общему государственному и социальному благу. Вину за падение этих качеств они во многом переносят на авторов завоевавших популярность концепций воспитания, в основе которых находится установка на

самореализацию личности, на удовлетворение ее разносторонних потребностей (экзистенциализм, позитивизм и проч.). Эти концепции лишены, по их мнению, научного подхода к пониманию экономико-социального и государственнического (т.н. „государствоцентрированного”) поведения. Чтобы изменить существующее положение вещей, сторонники необихевиоризма считают необходимым создать систему управления и воспитания, подконтрольную интересам современного государства, индустриального общества, социального и культурного развития, реализации заданий научно-технической революции. „Общество всегда подчеркивало зависимость своего благополучия от жизненной и эффективной системы воспитания. Школа должна приостановить деградацию общественной жизни и пробудить в людях чувство взаимного доверия и сотрудничества” [6, с. 76]. Но для этого система менеджмента и воспитания должна опираться на науку, на широкий круг знаний о человеке, использовать современные методы исследования его интересов, потребностей, способностей, факторов, детерминирующих его поведение. Кроме того, внедрение научных методов в сферу управления и воспитания должно иметь четкую направленность, ценностную установку. Сторонники необихевиоризма, напротив, пытаются освободить процесс воспитания от ценностных подходов, подчинив его т.н. „рациональному мышлению”. Это побуждает их ориентироваться на теорию Б. Скиннера, главным компонентом которой является механизм контроля и самоконтроля, нацеленный не на всестороннее развитие личности, а на воспитание социально послушных людей. Опасным результатом практического воплощения данных идей может стать не только формирование социально толерантного лица, но и „одномерного” некритического индивида, который идентифицирует свое мышление и поведение с существующим политико-экономическим режимом.

Обратив внимание на наличие негативных последствий научно-технической революции, с которыми встречается человек в современном мире, в том числе на разные формы подчинения личности, ее свободы, необихевиоризм видит источник этого зла в самом человеке, будто бы сильно иррационального по своей натуре. Проявлением его крайнего индивидуализма является, по Скиннеру то, что он не интересуется ни ближними, ни дальними, отказывается от всех завоеваний человечества и не думает о будущем. Но он одержим одной идеей – вроде бы он имеет свободу и достоинство. Отсюда и убежденность необихевиоризма, что решение всех тяжелых современных проблем следует искать не в сфере производства или социальных отношений, а в сфере поведения. Основные проблемы, с

которыми встречается мир сегодня, мол, могут быть решены только при условии улучшения человеческого поведения. Для этого необходимо создать специальную науку о поведении, которую Скиннер называет „технологией поведения” [9, с. 62]. В ее рамках необихевиоризм пытается разработать такой подход к человеку, который позволит программировать поведение и управлять общественной жизнью, которая приведет к созданию „эффективной цивилизации”, где люди, наконец-то будут счастливы. Два положения «технологии поведения» сыграли первоочередную роль в качестве методологических предпосылок технократических концепций воспитания: понимание Скиннером человеческой природы и его теория подкрепления. Для создания науки о поведении, заявил Скиннер, необходимо отказаться от донаучного взгляда на природу человека, характерного для современной филоральной Америки и вообще евроатлантической цивилизации: „по ту сторону свободы и достоинства”. Скиннер (и необихевиоризм вслед за ним) отбрасывает любую систему этики, провозглашая ее ненаучной. Свою цель он видит в том, чтобы с помощью „бихевиористской инженерии” сконструировать „управляемого индивида”, достаточно удобного „тотальному обществу”. Вот почему Скиннер и необихевиоризм отказались от принятого в этической науке понятия свободного выбора индивидом поступков, как вроде бы не соответствующих природе человека, предложив заменить их понятием „формируемые автоматические навыки”. Последние, по их мнению, не только эффективны с точки зрения контроля над поведением личности, но и увеличивают шансы на выживание современной цивилизации. На основе этого вводится в теорию необихевиоризма еще одно понятие – „автоматически правильное поведение”, которое пытаются положить в основу разных моделей социальных, экономических и политических действий, соответствующих интересам общественных манипуляторов и контролеров. „Утопию Скиннера представляется возможным назвать поздним рецидивом репрессивной тоталитарной псевдонауки, если бы, к сожалению, она не находилась в согласии с настроениями определенных социальных групп нынешнего общества” [4, с. 81-82] – пишет американский социолог Д. Бенсон. Освобождая человека от морали, эта теория способствует усилению морального кризиса в современном индустриальном обществе.

Идеи Скиннера импонируют тем представителям научной и общественной мысли, экономической и политической практики, которые пытаются их использовать для формирования необходимых государственно-

общественной системе идеологических стандартов и норм поведения. Американский философ Г. Уиллер оценил теорию Скиннера „как важный вклад в психологию и социальную науку за последние 50 лет”, считая, что „она может служить научным критерием для оценки социального содержания внедрения оперантного поведения в общественную практику” [12, с. 234]. Одной из сфер общественной практики, где „технология поведения” находит широкое приложение, как раз и есть менеджмент разного уровня и форм, сфера воспитания. Сторонники внедрения идей Скиннера в сферу управления и воспитания видят в них важный фактор не только установления в государстве, обществе строгого порядка, но и развития свободы личности. Эту мысль отстаивает, в частности, американский исследователь В. Петтерн. Он оценивает контроль за поведением людей с помощью идей необихевиоризма как строго научный, нейтральный в моральном отношении, и потому достаточно ценный, способный обеспечить порядок и свободу, как для общества, так и для личности. По мнению Петтерна, с помощью такого контроля является возможным решить важные гуманистические проблемы. Идеи необихевиоризма используются как для обоснования принципов менеджмента, воспитания, так и для разработки методов их внедрения. И в том и в другом случае сторонники жесткого контроля за поведением людей являются настолько тесно связанными с бихевиоризмом, что в своих теоретических настроениях четко следуют его терминологии. Например, В. Петтерн особенно подчеркивает, что понятие социального контроля, введенное Скиннером, должно занять ведущее место в менеджменте и теории воспитания, поскольку только с его помощью можно указать людям, *как* они должны себя вести в обычной ситуации. „Общий порядок вещей может изменяться, но само поведение, воспитанное с помощью социального контроля, должно быть по своему характеру императивным” [8, с. 54]. Но тем самым концепции менеджмента, воспитания, которые опираются на идею жесткого контроля за поведением, теряют любую специфику по сравнению с психологией и этикой бихевиоризма. Это можно проследить, прежде всего, по тому, как определяется основная цель воспитания.

Следуя тезису Скиннера о том, что современное общество должно опираться на „рациональное мышление”, сторонники технократических концепций ориентируются на воспитание человека, идеал которого отвечал бы требованиям индустриального общества. Путем влияния на разные слои психики человека они стремятся воспитать не целостную личность, а сциентистски-ориентированного, технически образованного человека,

которому суждено остаться инфантильным в вопросах общей культуры и морали. Невзирая на высокий уровень профессиональной специализации, такой человек не способен к самостоятельным размышлениям над социальными и моральными проблемами, он легко поддается давлению со стороны социальной среды. Его эмоции, чувства сурово подчиняются диктату ума и используются в качестве средства интенсификации производственной деятельности, повышения уровня его строго технического мышления. Сторонники технократической ориентации придерживаются точки зрения, что семья, средние и высшие учебные заведения не должны вносить какие-то существенные изменения в систему воспитания, которая сложилась. Этим институтам они отводят лишь функцию передачи господствующих ценностей, осуществления социализации личности с целью интеллектуально и морально воспитать граждан, способных плодотворно функционировать в обществе, отвечая представлением технократов о „хорошем гражданине”. Это должен быть гражданин, „процветающий и поддерживающий систему, принимающий права и обязанности демократического общества, патриот своей общины, штата, государства” [12, с. 52]. Из этого выходит, что все институты, осуществляя власть, воспитание, должны приспособлять личность к идеологемам государства, нормам и стандартам общества, воспитывать ее в духе идеи высшего блага, служения социуму, государству. Такую ориентацию они противопоставляют „самореализации” личности, видя в этом одну из главных причин моральной деградации индивида и общества, проявления эгоизма и безразличия к интересам других людей и обществу в целом.

Изменение моральных ценностей в XX-XXI вв. происходит в направлении смягчения нормативной базы общества. Человек постепенно освобождается от многих социальных обязательств, которые были положены на него в течение многих возрастов. Да и мыслители призывают современное общество к лояльности по отношению к человеку. В частности, Р. Рорти отмечает, что мы должны избавиться от понятия универсальных моральных обязанностей, а обратиться к интересам человека [11, с. 43]. Но свобода действий человека в постиндустриальном обществе вовсе не снимает с него ответственность перед обществом. Чувства ответственности удерживают человека от нежелательных намерений. Но эти чувства возникают только при условии действия „*принципа справедливости как честности*”. „Принцип справедливости как честности” был предложен Дж. Роулзом. Он в своих произведениях исследовал сложный спектр факторов, которые обеспечивают механизм социального равновесия в обществе. По мнению Дж. Роулза, в

современном постиндустриальном обществе „принцип справедливости как честности” реализуется на двух уровнях – этическом и политическом [3, с. 93]. На каждом из этих уровней определенным образом защищается достоинство человека. Но, если на первом уровне защищается достоинство человека как личности, то на втором – достоинство человека как гражданина. Но, отстаивая нормативность вместо «абсолютной свободы» поведения личности, сторонники технократической ориентации совсем не имеют в виду воспитать у человека сознательное отношение к нормам и принципам морали, которое включает понимание объективной основы этих норм и принципов, их морального и социального содержания, а также способность к их самостоятельной оценке. А для этого у человека должно быть воспитано умение различать сущее и должное, поиск путей подтверждения тех норм поведения, которые способствуют установлению гуманных отношений между людьми. Однако в технократических концепциях воспитания иногда ориентация на ценностный подход к поступкам и явлениям подменяется требованиями адаптации личности к существующим политическим, идеологическим и моральным нормам. А для адаптации не обязательны сознательные размышления по поводу характера этих норм и тех последствий, какие они могут иметь для личного и общественного блага. Единственный аргумент, который может быть использован в качестве „доказательства” необходимости и целесообразности адаптации личности к существующим нормам, – это страх перед моральным кризисом, корни которого, как уже отмечалось, технократы-необихевиористы видят только в свободе личности.

Для осуществления адаптации личности к социальной системе они считают необходимым воспитание у нее определенных моральных качеств, и в первую очередь, чувства ответственности как главного условия жизнестойкости социальной системы. Особенное значение предоставляется ответственности и дисциплине в процессе труда. Соответственно, теоретики необихевиористского технократизма рекомендуют приучать молодежь в средних и высших учебных заведениях к соблюдению суровой дисциплины, воспитывать у нее привычку к настойчивому труду, к решению трудных заданий, чтобы каждый смог в будущем отвечать определенному месту в обществе. Без сомнения известно, что наличие этих качеств является необходимым для любого специалиста, где бы он не работал. Современный уровень научно-технического прогресса требует от работника не только высокой квалификации, но и понимания того, что наименьшее отступление от технологии производства, от выполнения своих функций, нарушения

общественной дисциплины и техники безопасности могут нанести непоправимый убыток как предприятию, так и обществу. Важно, чтобы воспитание этих качеств не было формальным, «данью» требованиям среды, подкрепляемой страхом наказания. Они должны быть неотъемлемым атрибутом моральной сущности человека, внутренним, а, следовательно, свободным императивом его действий. Сторонники же необихевиористской концепции считают иначе. Например, определяя „ответственность” как добровольное следование индивида требованиям и нормам социальной среды, они, однако, не связывают ее с уровнем сознания личности, с ее целями, идеалами, без чего просто невозможно добровольное, сознательное отношение человека к общественным требованиям [9, с. 75].

По сути дела, *ответственность сравнивается технократическим мышлением с послушностью*, подчинением диктату. Но в этом случае она теряет моральное содержание, потому что человек больше рассчитывает на инстинкт самосохранения, чем на ум. Конечно, ответственность является особенно важной в сфере производственной деятельности, тем более в период научно-технической революции. Может складываться впечатление, что, обращая внимание на эту проблему, сторонники технократического подхода выражают важную идею о связи воспитания с трудом, о моральном значении труда. Но отношение к труду лишь тогда приобретает настоящее моральное значение, когда человек добросовестно трудится не только ради удовлетворения собственных потребностей, но и ради общества, ради общего блага. Но таким не может быть отчужденный труд. Демократические социально-психологические условия в обществе, государстве и экономике могут быть созданы благодаря моральной психологии. По мнению Дж. Роулза, моральная психология – это не психология, которая начинается в науке о человеческой природе, а такая моральная психология, которая выводится из политической концепции *справедливости как честности*.

Когда же необихевиористские сторонники технократического менеджмента и воспитания говорят о необходимости развивать активную деятельность человека, особенно в сфере производства, их не обходят интересы каждой личности, огромной массы индивидов и групп, а лишь интересы той или иной социальной системы, государства в целом, потребности современного индустриального общества, которые нуждаются в постоянном повышении производительности труда. При этом воспитание не должно афишировать настоящее значение и цели качеств, которые формируются у воспитанников. Более того, оно призвано отделить мотивы необходимости повышения производительности труда человека, как и в

целом его активности, от него самого. И осуществлять эту цель авторитарной системе менеджмента и воспитания помогает необихевиористская концепция, которая приучает людей „рассматривать свою активность как действия, которые заказные социальной системой в строгих бихевиористских понятиях” [4, с. 112].

Реализация цели власти, управления и воспитания, которая сводится необихевиоризмом к манипулированию людьми, нуждается в соответствующих методах, в качестве которых появляются разные формы тренировки, модификации поведения, опирающиеся на факторы подкрепления. С этой целью для процесса воспитания разработаны специальные методы поощрения и наказания, с помощью которых в конечном результате достигается основная цель – формирование послушных людей. Это задание должны решать администрация и менеджеры, преподаватели, которые являются главной фигурой в системе модификации поведения. Тот, кто становится управленцем, учителем, воспитателем, не только имеет право, но и обязан модифицировать поведение подчиненных ему. Например, дети приходят к школе, не имея необходимых социальных и познавательных навыков для производительного функционирования в кругу взрослых, считает система необихевиоризма. В воспитанниках сторонники бихевиористской системы только индивидов, которые поддаются манипуляции, не принимая во внимание их внутренний мир, их индивидуальные особенности. Они считают необходимым объяснять внутренний мир человека в терминах социального подкрепления, заменяя там, где это только возможно, потребности человеческой души разного рода санкциями. Поэтому в любом расстройстве между личностью и социальной средой необихевиористы видят лишь поведенческую, а не социальную, экономико-политическую проблему, которую, как они считают, можно решить путем формирования новой процедуры подкрепления. Процесс управления и воспитания, который развивается согласно рекомендаций сторонников необихевиоризма, ориентирован на то, чтобы создать атмосферу безличностных отношений и все знания, нормы поведения направить по пути, который бы полностью исключал возможность для людей осуществлять самоконтроль над характером получаемых требований, знаний и модусом своего поведения. Управленцы-необихевиористы главным образом работают над тем, какими же средствами предоставить всему процессу модификации поведения научный характер. И наука при этом превращается в оружие власти, в средство разрушения личности. Менеджер, учитель берет на себя роль безликого технократа, который вроде бы просто

опирается на науку для выявления того лучшего, которое заложено в каждом. Но эта идейная позиция старательно скрывается. Субъекты осознают лишь связь между его установками как фигуры, которая имеет бюрократическую власть, и поощрениями со стороны общества.

Модификаторы поведения хотят охватить своим контролем как можно более широкий круг людей, чтобы обеспечить его эффективность с точки зрения их превращения у бездумных автоматов, принимающих в качестве неизменного и необходимого существующие закон и власть. Сущность контроля сводится к тому, чтобы произвести у человека определенную психологическую установку, готовность под страхом наказания приспособляться к любым требованиям социально-политической и экономической системы, подавить у них желание самовыражения, сформировать конформное поведение. Такое управление и воспитание не просто похоже на социальный механизм, с помощью которого осуществляется контроль над знаниями и отношениями между людьми. Имеется в виду такой мощный контроль, который охватывает все сферы жизни индивидуумов, в силу чего отношения между людьми становятся внеличностными и потому сугубо механическими, корыстными, даже жестокими. Объективные моральные нормы, правила, выработанные человечеством, при этих условиях полностью отчуждаются от личности. Естественно, что прогрессивные представители в области экономического и социального менеджмента, общественной мысли, протестуют против разработки технологических приемов и методов влияния на человека и внедрение их в управленческий процесс, справедливо усматривая в этом фактор расширения условий и форм манипулирования человеком, его поведением.

Современное индустриальное общество западного образца – это общество, которое постоянно обновляет свою технологическую базу. Но технические и научные открытия, по мнению Д. Белла, осуществляются не ради простого человеческого интереса, а преимущественно для подготовки материальной базы общества к завоеванию им новых социальных вершин. Именно поэтому модель социальной реальности постиндустриального общества и сформировалась на принципах понятия „социальная технология”. Это понятие возникло с целью прогнозирования новых форм или новых технологий социальной организации, что получило название „социальная модернизация” общества [2, с. 113]. Социализация человека творческого происходит как на профессиональном уровне, так и на уровне общих коммуникативных связей. Ведь, по определению Д. Белла,

постиндустриальное общество – это общество, которое основано на „игре между людьми, в которой на фоне машинной технологии растет технология интеллектуальная” [1, с. 157]. Все-таки не нужно считать, что раскрывая манипулятивную направленность технократических концепций, тем самым вообще отрицается значение факторов социального подкрепления (поощрение и наказание поступков людей) как одного из элементов влияния воспитательных институтов на поведение личности. Но позитивное значение социального подкрепления, во-первых, является связанным с той целью, которой оно должно быть подчиненным, – со стремлением к моральному росту личности и общества. Цель деятельности должны четко осознавать как управленцы, воспитатели, так и управляемые, воспитуемые. Во-вторых, эффективность социально-экономического подкрепления зависит от степени доверия и уважения личности к властным, управленческим и воспитательным структурам, институтам общества и конкретным людям, которым общество доверило осуществлять управленческий процесс. Человек в детские, а позже и в юношеские годы на своем личном опыте проверяет большинство социальных норм и экономических стандартов, которые ему предлагает общество. Он не может смириться с теми нормами, которые ограничивают его право на свободу личной жизни. В будущем развитом демократическом обществе должны быть найдены более прогрессивные формы отношений между человеком и обществом, государством, экономическим устройством и психическими ориентирами; человек в XXI в. должен не слепо подчиняться общим правилам поведения, а принимать активное участие в процессе социально-экономического творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
2. Зінченко В.В. Соціальна філософія менеджменту і освіти в інституційному вимірі глобального розвитку. – К.: Люк4сар, 2011. – 664 с.
3. Роулз Дж. Політичний лібералізм. – К.: Основи, 2000. – 575 с.
4. Benson D. Immoral America: beyond Freedom and Dignity. – New York: Caplan A.Z. Press, 1991. – 208 p.
5. Bowers C.A. Emergent ideological characteristics of educational policy. – Boston: College Record, 1997. – 317 p.
6. Clement St. Handbook of education technology. – London: Steven Hackbarth Books, 1994. – 284 p.
7. Feinberg W. Behavioral theory and education. – Boston: Prentice-Hall, 1994. – 467 p.
8. Pattern V. Social control and human engineering: A framework for humanistic decision. – Bangor: University Press, 1991. – 227 p.

9. Skinner B. History and Human behavioral. – New York: Macmillan, 1985. – 461 p.
10. Skinner B. Science and Human Behavior. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1990. – 341p.
11. Scoot L. International of norms. – Harvard: The Harvard International Press, 2001. – 219 p.
12. Wheeler H. Beyond the Punitive Society. – San-Francisco: Hackett Publishing Co,1983. – 301 p.
13. Zintschenko V. Die postmodernen Tendenzen der globalen Entwicklung wie die Form des modernen Nachimperialismus // Vědecký průmysl evropského kontinentu. – 2012. – Díl 11.– Praha:Publishing House «Education and Science», 2012. – 112 s. – S.23-27.

REFERENCES

1. Bell D. The coming post-industrial society. Experience in social forecasting. Moscow, Academia, 1999. 956 p.
2. Zinchenko V. Social philosophy of management and education in the institutional dimension of global development. Kiev. Lyuk4sar, 2011. 664 p.
3. Rolz J. Political Liberalism. K.: Essentials, 2000. 575 p.
4. Benson D. Immoral America: beyond Freedom and Dignity. New York: Caplan A.Z. Press, 1991. 208 p.
5. Bowers C.A. Emergent ideological characteristics of educational policy. Boston: College Record, 1997. 317 p.
6. Clement St. Handbook of education technology. – London: Steven Hackbarth Books, 1994. 284 p.
7. Feinberg W. Behavioral theory and education. Boston: Prentice-Hall, 1994. 467 p.
8. Pattern V. Social control and human engineering: A framework for humanistic decision. Bangor: University Press, 1991. 227 p.
9. Skinner B. History and Human behavioral. New York: Macmillan, 1985. 461 p.
10. Skinner B. Science and Human Behavior. New York: Appleton-Century-Crofts, 1990. 341p.
11. Scoot L. International of norms. Harvard: The Harvard International Press, 2001. 219 p.
12. Wheeler H. Beyond the Punitive Society. – San-Francisco: Hackett Publishing Co,1983. 301 p.
13. Zintschenko V. The post-modern trends of global development as the shape of the modern Postimperialism//Scientific Industries of the European continent, 2012. Díl 11- Praha: Publishing House "Education and Science", 2012. 112 p. (pp.23-27th).

Информация об авторе

Зинченко Виктор Викторович (Украина, г. Киев) – Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины. E-mail: zinchenko-viktor-viktorovich@mail.ru.

Information about the author

Zinchenko Viktor Viktorovich (Ukraine, Kiev) – Doctor of philosophical sciences, professor, chief of Scientist institute of higher education of the National academy of pedagogical sciences of Ukraine. E-mail: zinchenko-viktor-viktorovich@mail.ru.